

Рагимов И.М.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.193-199

УДК: 343.9

Устрашение как свойство наказания

Аннотация: Пока существует уголовное право как отражение условий общественного развития, сохранится страх перед наказанием, который хотя и не единственный компонент общепредупредительного воздействия, но обязательно ему присущий.

Лицо, желающее или намеревающееся совершить противоправное деяние, должно уяснить запреты, а также уметь оценить само действие и его последствия.

Ключевые слова: устрашение; наказание; преступление; запрет; страх; санкция; угроза.

Устрашением наказание фактически противостоит тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях. «Мысль о наказании, - отмечает Б.С. Волков, - если даже не уничтожает намерение совершить преступление, во всех случаях играет роль противодействующего стимула, на фоне которого более отчетливо проявляется стойкость и активность антиобщественной установки, сила и стремительность господствующих побуждений» 3, с. 119].

Посредством своих предупредительно-устрашительных свойств наказание выражает требование должного поведения. Поэтому сознание наказуемости поступка является важнейшей частью психологического содержания волевого процесса и выступает контрмотивом антиобщественного поведения. А из этого следует, что представление о строгости наказания, то есть о силе устрашения имеет немаловажное значение в создании эффекта торможения при совершении преступления, а значит, входит в число факторов, оказывающих во многих случаях влияние на выбор вариантов поведения.

Для законодателя очень важно помнить следующее принципиальное положение: чтобы наказание могло создать эффект торможения, сдерживающий человека от совершения преступления, оно, с одной стороны, не должно быть чрезмерно жестоким, а с другой, - учитывая уровень развития населения, должно производить впечатляющее действие путем необходимых для этого способов устрашения.

Например, если исторический опыт человечества показывает, что бороться с умышленным убийством жестокими наказаниями в виде смертной казни или пожизненного заключения бессмысленно, то это вовсе не означает, что следует бросаться в другую крайность, полагая, что наказание за это преступление должно быть неосновательно мягким. Наказание по своей сути должно быть разумным и целесообразным.

В последние годы периодически появляются публикации о негативном, отрицательном характере устрашения наказанием, поскольку для цивилизованного государства оно безнравственно, неэффективно, и поэтому пора освободить наказание от «ежовых рукавиц» и пере-

♦Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

стать держать общество в страхе. Следует отметить, что эти замечания не новы, они высказывались всегда. Так, например, еще Г. Ашаффенберг писал: «Мы должны ограничиться той мыслью, что устрашающее действие наказания не настолько сильно, чтобы с успехом противостоять растущей социальной опасности» [2, с. 204].

На это замечание хотелось бы ответить словами Ч. Беккариа: «Сила, подобная тяжести, заставляющая нас стремиться к личному благополучию, сдерживается только противоположными ей препятствиями. Эта сила проявляется в сложном ряде человеческих действий, и наказания, которые я назвал бы политическими препятствиями, предотвращают возможные вредные последствия от взаимного столкновения этих действий, не уничтожая порождающей их причины, то есть неизменно присущей человеку чувствительности. Действуя так, законодатель поступает подобно искусному зодчему, обязанность которого - устранить вредное влияние силы тяжести и использовать ее там, где это способствует прочности здания» [3, с. 95].

Роль и значение уголовного наказания абсолютно нельзя понимать таким образом, будто устрашающее воздействие содействует всеобщему благу за счет интересов отдельных индивидов. Поэтому совершенно неправильно утверждение о том, что наказание, по соображениям общего удержания, несправедливо по своему существу, ибо если человека наказывают для того, чтобы побудить других избегать совершения преступных деяний, то наказываемый страдает не за то, что он сделал, а из-за склонности других людей поступать подобным образом [14, с. 79, 93].

Общество часто обращается с людьми таким образом, чтобы это содействовало всеобщему благу за счет интересов отдельных индивидов. Это возможно при стихийных бедствиях, в ситуациях чрезвычайного положения и т.д. Однако недопустимо, чтобы общество использовало лицо, совершившее преступление, для уменьшения преступности, исходя из того, что оно находится в распоряжении государства.

Мы не подвергаем сомнению утверждение о том, что самые драконовские законы - казни огнем и мечом, колесование и виселица - не уничтожили преступность. Но мы считаем, что, возникая в сознании, вслед за идеей совершения преступления, мысль о наказании способна предотвращать, уничтожать или парализовывать стремление к противоправному деянию. Само собой разумеется, что наказание на 100% этого достичь не в состоянии. Но совершенно ясно, что оно способно с помощью устрашения оказать определенное противодействие.

Как справедливо отмечает И. Анденес, «еще меньше нам известно о том, сколько людей совершили бы преступление, не будь угрозы наказания» [1, с. 31].

Конечно, хотелось бы жить в обществе, где отсутствует наказание, но, по словам польского общественного деятеля А.Ф. Моджевского, «человеческая испорченность так велика, люди до такой степени бесстыдны и склонны совершать преступления, что необходимы самые суровые законы, которые помешали бы злобе, поставили препятствия своеволию и положили узду на бесчеловечность. Поскольку дела имеют такой вид, из этого вытекает следующее: многочисленные и суровые законы служат наглядным доказательством того, что в данном государстве люди получили плохое воспитание, обладают несчастным характером и с каждым днем все больше и больше обнаруживают свои дурные свойства. Если правители стремятся воспрепятствовать этому, то им необходимо издавать все более тщательно составленные законы и устанавливать все более строгие наказания» [10, с. 133].

Оценивая устрашительную силу наказания, Фейербах отмечал: «Я хочу посредством закона сделать невозможным воровство, то есть, я верю в возможность противоположности воровства, верю, что воровство случайно, что вор свободен и может с одинаковой легкостью не украсть, как украсть. Именно поэтому закон в своей низменной вере во всемогущество своего желания и не требует от вора ничего большего, кроме сознания запретности воровства, чтобы присудить его тотчас же к виселице» [10, с. 277].

Государство установило определенные правила нашего поведения, то есть запретило совершение действий, противоречащих интересам общества и отдельных личностей. Запрет есть начало взаимодействия человека с наказанием. Поэтому в системе «человек - угроза наказанием» особое место принадлежит оценке способности человека к усвоению, восприятию самого *запрета*, ибо для признания его способным к ответу (наказанию) за нарушение запрета, то есть установленного обществом порядка, необходимо выяснить, насколько он вообще способен понимать регулируемую роль базовых ценностей и норм общества. А для этого он должен иметь возможность доступа к информации о них, должен понимать, что разрешено, а что запрещено. И только после этого человек способен учитывать их наличие и находить соответствующее решение: принимать к руководству или отвергать в ситуации выбора.

Иначе говоря, лицо, желающее или намеревающееся совершить противоправное деяние, должно уяснить запреты, а также уметь оценить само действие и его последствия. При этом достаточно оценить способность к усвоению норм и ценностей, регулирующих поведение в уголовно-релевантных ситуациях, и учитывать их при выборе варианта поведения. Поэтому для наступления ответственности вполне достаточно того, что субъект осознает вред своего деяния и его последствия для других, нарушение им установленных уголовно-правовых норм [12, с. 84].

Осознание вредности последствий в случае посягательств на блага другой личности или на интересы общества имеет место и при относительно невысоком уровне развития интеллекта. В связи с этим представляет интерес позиция Гегеля, полагающего достаточной для наказания способности предвидеть необходимые последствия избирательного варианта поведения, так как только их «ведение» можно вменить в вину. Причем, надо осознать «всеобщее качество» поступка, то есть уметь соотносить его с задаваемыми обществом ориентирами, о которых также должно быть «ведомо» 9, с. 245-249].

Правовая наука традиционно исходит из того, что наказание предполагает осознание как фактических, так и юридических признаков уголовно наказуемого деяния. Такой подход соответствует и общетеоретической характеристике права как инструмента регулирования общественных отношений, который должен проходить через сознание и волю людей. Удачной представляется мысль В.П. Сальникова о том, что достаточно ориентироваться на нравственные нормы, лежащие в основе принципов права, в частности, на основные юридические понятия, такие, например, как «преступление», выражающие эти принципы [11, с. 46-47].

Это и дает возможность принять решение о правомерном и неправомерном поведении в условиях отсутствия информации о конкретной правовой норме, основываясь на понимании общей направленности законодательства, его функций, выражения в нем нравственных требований. За словами *запрета* следуют слова, устанавливающие *наказание*. Что это означает, понимает каждый нормальный человек. В то время как запрет позволяет пробудиться желанию, слова о наказании должны пробудить ужасающие представления.

Согласно религиозной философии существенным фактором и мотивом, поддерживающим Божественно освященные устои официального порядка, был *страх* перед наказанием при жизни или неминуемо после смерти за те или иные прегрешения либо проступки. Этот страх успешнее всего культивировался там, где опирался на стойкую веру в бессмертие души и загробный суд богов. «Дикарь, - пишет Б. Малиновский, - соблюдает свои табу не из-за страха перед общественным наказанием и порицанием. Он воздерживается от их нарушения отчасти потому, что боится дурных последствий, непосредственно проистекающих из божественной воли или действия священных сил, но, главным образом, потому, что его личная ответственность и совесть не позволяют ему делать это» [8].

Это же подтверждает З. Фрейд: «Табу возникли каким-то образом и должны соблюдаться вследствие непреодолимого страха. Внешняя угроза наказанием не нужна, потому что имеется внутренняя уверенность (совесть), что нарушение приведет к невыносимому бедствию» [13].

«И заповедовал Господь Бог человеку... а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Бытие 2: 16-17). Совершая грех, Адам понимал, что он нарушает запрет, то есть «Божий Закон», и что за это будет наказан. Тем не менее, он не смог себя удержать. С одной стороны, запрет пробуждает в нем желание, а с другой - страшит, поскольку запрет пробуждает в нем возможность свободы. Вот почему природу первородного греха следует объяснять через категорию страха, который является содержанием любого наказания. Угроза воздействия на людей порождает у них страх перед наказанием и, тем самым, уберегает во многих случаях от совершения преступлений. Этот страх возникает еще до наступления последствий от противоправных деяний, в результате которых может наступить наказание.

Профессор Гарвардского университета В. Кеннон еще в 1927 г., исследуя физиологию эмоций, пришел к выводу, что «страх, ярость, боль и муки голода представляют собой элементарные чувства, которые, с полным правом, относятся к наиболее могучим факторам, определяющим поведение человека и животных» [6, с. 15].

Страх возникает еще в момент пробуждения желания совершить преступление, ибо именно с этого момента появляется инстинкт самосохранения, на который опирается страх. Иными словами, страх - внутреннее состояние, обусловленное грозящим реальным или предполагаемым бедствием. Как говорят психологи, страх - это желание того, чего страшишься, это симпатическая антипатия. Человек нарушает закон, желая этого, но, одновременно, боится, ибо помнит о том, что за это предусмотрено наказание.

Страх - это чуждая сила, которая захватывает индивида, и он не может освободиться от нее, да и не хочет, так как страшится, но страшится того, чего желает. Вот почему всем потенциальным преступникам свойственно чувство страха. Это относится и к лицам, неоднократно совершавшим преступления, - к рецидивистам. Поэтому утверждение о том, что «психология так называемых рецидивистов и профессионалов-преступников общеизвестна: полная недейственность для них угрозы репрессии является фактом установленным» [7, с. 68], абсолютно несостоятельно и необоснованно. Эту позицию поддерживал А.Ф. Зелинский, полагая, что одной из предпосылок рецидива преступлений выступает эмоциональная глухота не только по отношению к другим людям, но и к собственной судьбе, что делает рецидивистов равнодушными к угрозе наказания [5, с. 44].

Речь может идти только о степени страха. Чувство страха имеет инстинктивно-биологические основы и присуще не только людям, но и животным. То, что бывают люди, которые вообще не ощущают никакого страха, следует понимать в том смысле, что и Адам никогда не почувствовал бы страха, нарушая запрет, если оставался он просто животным. Поэтому неспособность страшиться является доказательством, что данный индивид - либо животное, либо ангел, - а они оба, также в соответствии с Божьими писаниями, менее совершенны, чем человек. Следовательно, страх выступает выражением совершенства человеческой природы.

У рецидивистов чувство страха притупленное, но оно существует. Вот почему совершение очередного преступления для них не представляет большого труда, ибо угроза наказания не оказывает на рецидивистов достаточного сдерживающего воздействия. И, наоборот, человек, впервые совершающий преступление, испытывает глубокий страх, что может оттолкнуть его от преступного намерения. Если это произойдет, то можно считать, что это результат воздействия уголовного наказания.

Всем известно, что женщины, по сравнению с мужским населением, совершают преступлений гораздо меньше. В Азербайджане в среднем это 10% от всех преступлений. Одна из главных причин этого заключается в том, что страх свойствен женщине в большей степени, чем мужчине, ибо женщина чувственнее мужчины и несет в себе больше страха уголовного наказания. Поэтому, чем глубже человек пребывает в страхе, тем более велик этот человек, хотя и не в том смысле, в каком люди это обычно понимают, когда страх наступает из-за чего-то, что лежит за пределами человека. Нет, это понимается в том смысле, что человек сам создает страх. И этот страх сохраняет его от совершения противоправного деяния.

Библиография

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. - М.: Прогресс, 1979. - 264 с.
2. Ашаффенберг Г. Преступление и борьба с ним. - М.: Инфра-М, 2010. - 241 с.
3. Беккария Ч. . О преступлениях и наказаниях. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. - 464 с.
4. Волков Б.С. Мотивы преступлений. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. - 153 с
5. Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирование). - Харьков: Вища шк., 1980. - 152 с.
6. Кеннон В. Физиология эмоций: телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. - Л.: Прибой, 1927. - 175 с.
7. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Основы уголовного материального права. - М.: Гос. изд-во 1930. Ч. 3. - 179 с.
8. Малиновский Б. Магия, наука и религия. [Электронный ресурс]. URL: <http://malinovskii-magia.ofilosofii.ru>
9. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. - М.: Госюриздат, 1963. - 468 с.
10. Правовая мысль: Антология. - М.: Юнити-Дана, 2012. - 903 с.
11. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. - Саратов: Изд-во Саратов ун-та, 1989. - 144 с.
12. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. - М.: Норма, 1998. - 285 с.

13. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры. - М.: Азбука, 2005. – 221 с.
14. Bittner, E. and Platt, A. The Meaning of Punishment // Issues in Criminology. 1966. No. 2, pp. 79-99.

Rahimov I.M.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.193-199

UDC: 343.9

Deterrence as a property of punishment

Abstract: As long as criminal law exists as a reflection of the conditions of social development, the fear of punishment will remain, which, although not the only component of a general preventive effect, is necessarily inherent in it.

A person who wishes or intends to commit an illegal act must understand the prohibitions, as well as be able to evaluate the action itself and its consequences.

Keywords: deterrence; punishment; crime; ban; fear; sanction; threat.

References

1. Andenes I. Punishment and prevention of crimes. Moscow, Progress Publ., 1979, 264 p. (in Russian).
2. Aschaffenberg G. Crime and the fight against it. Moscow, Infra-M Publ., 2010, 241 p. (in Russian).
3. Beccaria Ch. About crimes and punishments. Moscow, NKYu SSSR Legal Publ., 1939, 464 p. (in Russian).
4. Volkov B.S. Motives of crime. Kazan, Kazan University Publ., 1982, 153 p. (in Russian).
5. Zelinsky A.F. Recidivism of crimes (structure, connections, forecasting). Kharkov, Vischa shkola Publ., 1980, 152 p. (in Russian).
6. Cannon V. Physiology of emotions: bodily changes during pain, hunger, fear and rage. Leningrad, Priboy Publ., 1927, 175 p. (in Russian).
7. Krylenko N.V. Court and Law in USSR. Basis of criminal material law. Moscow, Gos. Publ., 1930, P. 3, 179 p. (in Russian).
8. Malinovsky B. Magic, science and religion. Available at: URL: <http://malinovskii-magia.ofilosofii.ru> (in Russian).
9. Piontkovsky A.A. Hegel's doctrine of law and state and his criminal law theory. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963, 468 p. (in Russian).
10. Legal thought: Anthology. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2012, 903 p. (in Russian).
11. Salnikov V.P. Socialist legal culture. Saratov, Saratov University Publ., 1989, 144 p. (in Russian).

♦Rahimov Ilham Mammadhasan oglu – Academician of the RAS, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Jurist of Azerbaijan Republic, a member of the Council of the IOLR (Azerbaijan). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

12. Sitkovskaya O.D. Psychology of criminal responsibility. Moscow, Norma Publ., 1998, 285 p. (in Russian).
13. Freud Z. Totem and taboo. Psychology of primitive culture. Moscow, Azbuka Publ., 2005, 221 p. (in Russian).
14. Bittner, E. and Platt, A. The Meaning of Punishment // Issues in Criminology. 1966. No. 2, pp. 79-99.